

важности, важнейшим из которых, естественно, был митрополичий двор в Москве. Греческие книги московских митрополитов XIV—XV вв., по-видимому, вошли в состав знаменитого Синодального собрания греческих рукописей. В Москве существовал греческий монастырь Николы Старого и расположенная близ него греческая колония. Другим центром греческой образованности был Троице-Сергиев монастырь, поддерживавший прочные связи с Константинополем. Широко известны контакты Византии и Руси в сфере искусства. Обильным был приток в Россию зодчих, художников и мастеров-ремесленников из Константинополя. «Связи с далеким Константинополем, — писал М. Н. Тихомиров, — помогали русской культуре окрепнуть в тяжелые годы татарщины, создать свое высокое мастерство. Так, рядом с Феофаном Гречином появляется русский Андрей Рублев»¹⁸.

После падения Византии спасшиеся от гибели и плена греки принесли в Россию греческие рукописи, предметы христианского культа, художественные изделия. Тем самым они способствовали дальнейшему ознакомлению образованных людей Руси с достижениями византийской культуры. Приток греков продолжался и позднее. В первой половине XVI в. на русской почве появляется такая гигантская, хотя и противоречивая фигура, как Максим Грек.

Падение Византии рассматривалось в России как событие всемирно-исторического значения. Оно нашло необычайно широкое отражение в литературных памятниках конца XV и всего XVI в., отзвуки этой исторической драмы слышны еще и в XVII и XVIII столетиях¹⁹. Недаром рассказ о взятии Константинополя турками был включен в многочисленные русские хронографы самых ранних редакций, в русские летописи (в частности, в Никоновский и Воскресенский летописные своды), в отдельные сборники (совместно с описанием падения Иерусалима в «Истории» Иосифа Флавия) и во многие другие литературные произведения того времени.

Самые близкие по времени русские памятники, рассказывающие о падении Константинополя, имеют четко выраженную политическую и конфессиональную направленность. Все они написаны в православно-ортодоксальном духе, проникнуты сочувствием к грекам и их императору, враждебны к туркам и турецкому султану Мехмеду II Завоевателю. В этом отношении они близки к большинству византийских историков XV в., которые, несмотря на различие религиозно-политических взглядов, восприняли падение Константинополя как величайшее бедствие. Трагическую участь великого города горько оплакивает и православный ортодокс Сфрандзи, и латинофил Дука. Для склонного к философским размышлениям и увлеченного гуманистическими идеями Халкокондила падение Византии — одно из звеньев в неизбежной смене мировых монархий. Однако эта концепция у Халкокондила окрашена в оптимистические тона: он верит в будущее возрождение греческого народа и эллинского языка. И лишь ренегат туркофил Критовул одинок в прославлении завоевателя своей родины, хотя втайне и он потрясен ее гибелью. Для всех же без исключения византийских писателей той эпохи судьба Византии — горький пример изменчивости человеческого счастья.

Среди многочисленных откликов в России на падение Константинополя первое место, бесспорно, занимает самобытный русский памятник, принадлежащий перу очевидца и участника событий. — «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера. Долгое время автор этой «Повести» оставался неизвестным, хотя его сочинение было включено в летописные

¹⁸ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 46.

¹⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973, с. 79; Алпатов М. А. Указ. соч., с. 186—191.